

Менделеев Дмитрий Иванович

**Мысли о развитии
сельскохозяйственной
промышленности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Иванович М.**
Мысли о развитии сельскохозяйственной промышленности / Менделеев Дмитрий Иванович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 42 с.

ISBN 978-5-519-96207-0

ISBN 978-5-519-96207-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Первоначальный садъ банановъ, этотъ маленькій эдемъ дикаря, или первое поле Робинзона, какъ нашъ обычный огородъ или даже пашня крестьянскаго надѣла, — дѣла личныхъ нуждъ или прямыхъ животныхъ потребностей. Въ нихъ первѣе всего сквозить зародышъ того, что можно называть нынѣ сельскимъ хозяйствомъ. Но въ этихъ зародышахъ видны уже и ростки промышленности, такъ какъ проявляется обдуманная и на трудѣ основанная предусмотрительность; даже видны, хотя слабые, но явные элементы творчества, подражающаго тому, что подмѣчено въ природѣ. Сельское хозяйство начинаетъ пріобрѣтать признаки промышленности, въ истинномъ, высшемъ смыслѣ этого слова, только подъ вліяніемъ двухъ условій: во первыхъ, при *созданіи* новыхъ, человѣку наиболѣе пригодныхъ и выгодныхъ породъ растений и животныхъ, причемъ, наблюдая и дружа съ природой, ее обгоняютъ и *творятъ* въ ней несуществующее, а во вторыхъ, при *сбытѣ* продуктовъ на сторону, потому что этимъ достигается другая существенная сторона промышленныхъ отношеній, — *альтруистическая*, — мѣна. Если мы собрались здѣсь въ раздумьи о будущности русскаго хозяйства, то потому только, что оно уже давно вступило въ свою промышленную эпоху, перестало быть простымъ домоводствомъ, себѣ довлѣющимъ, какимъ остается еще у многихъ крестьянъ; перешло въ область дѣлъ, касающихся общественныхъ и міровыхъ потребностей, стало содержать альтруистическія начала, словомъ, становится промышленностію въ истинномъ смыслѣ, какъ желѣзныя дороги, создаемыя не для переѣздовъ самихъ строителей, — подобно нашимъ тарантамъ, — а именно для кого-то другихъ. Или какъ заводы или фабрики, производящіе товары, надобные не для однѣхъ семей производителей, а для общей мірской потребности. Это подразумеваетъ прежде всего извѣстную специализацію, такъ какъ безъ нея „промыслить“ все, при усложненныхъ потребностяхъ, никому не дается, даже идти впередъ — изъ за кучи мелочей — невозможно и приходится ограничиться китаиствомъ или вообще измельчавшимъ азіатствомъ, смотрящимъ до нынѣ на сельское хозяйство, не какъ на

вѣтвь промышленности, а какъ на личный огородъ, наполовину замѣняющій „сады эдема“, а на другую половину удовлетворяющій потребностямъ семьи въ пищу. Пока такъ смотрятъ на сельское хозяйство, какія бы въ немъ ни примѣняли китайско-либиховскія начала удобренія отбросами, мы всѣ знаемъ, чего достигаютъ азіатскія мѣры: тотъ или иной эдемъ, такъ или иначе, олицетворяется въ жизни, но она слагается не въ нашемъ современномъ идеалѣ человѣческихъ отношеній въ будущемъ, такъ какъ получаются всѣ и совершенно ясные задатки такой слабости, что горсть европейцевъ пересоздаетъ тамъ все, даже простаго сохраненія самостоятельности—не оказывается. Родившись въ Сибири, проведя дѣтство въ сосѣдствѣ настоящихъ азіатовъ, долго вдумываясь, затѣмъ, въ то, что мы и посейчасъ видимъ въ Азіи, я не могу себѣ объяснить этой слабости извѣстныхъ сторонъ азіатской жизни—по сравненію съ Европой—иначе, какъ тѣмъ, что тамъ нѣтъ въ жизни приложенія многихъ изъ важнѣйшихъ сторонъ альтруизма, получившихъ здѣсь, быть можетъ, отъ изгнанниковъ изъ той же Азіи, широкое развитіе, особенно рѣзко выражающееся въ государственномъ и общественномъ строѣ, въ развитіи видовъ промышленности и въ направленіи самаго сельскаго хозяйства, которое сперва всюду должно пройти чрезъ форму, свойственную азіатскому прототипу. Мы привыкли корить Западъ матеріальнымъ и эгоистическимъ индивидуализмомъ, но довольно вспомнить рай Магомета или узнать настоящихъ, типическихъ, устоявшихся азіатовъ, чтобы видѣть, что западный индивидуализмъ есть только остатокъ азіатскаго, опредѣляющаго слабость цѣлыхъ общихъ организмовъ тѣхъ странъ.

Отчего происходитъ эта слабость, отчего азіаты въ ихъ типическомъ видѣ не могутъ удовлетворить нашимъ современнымъ требованіямъ, — при всѣхъ введенныхъ ими усовершенствованіяхъ земледѣлія и нѣкоторыхъ формъ жизни,—становится яснымъ только тогда, когда мы взглянемъ на все хозяйство странъ съ точки зрѣнія альтруизма, спеціализаціи и промышленности. Во всѣхъ ихъ выдвигаются впередъ потребности общія — предъ

личными и достигается наименьшая затрата массовыхъ силъ для произведенія наибольшаго количества полезностей,—при помощи изученія не всего и для всѣхъ равнаго, а чего либо одного, содержащаго, по существу, условія не равенства, а крупныхъ различій, не по кастамъ, а по профессіямъ и по природнымъ дарамъ, выводящимъ Ломоносова изъ узкихъ сферъ въ широкія. Понимая въ этомъ видѣ какъ причину различія судебъ Азіи и Европы, такъ и современную роль сельскаго хозяйства среди другихъ видовъ народной промышленности, я полагаю, что „община“ составляла нашъ коррективъ къ узкости темъ обычнаго, скажемъ проще, азіатскаго хозяйства, что отъ „общины“ зависитъ то, что, будучи долго исключительно сельскохозяйственнымъ народомъ, русскіе быстро, съ Петра, дѣйствительно Великаго, стали изъ азіатцевъ — европейцами и готовятся стать народомъ—передовымъ, владыками природы и исторіи, а не ихъ рабами. У насъ съ личными интересами, домоводственному хозяйству присущими, тѣсно въ общинѣ совокупились и развивались исторически потребности болѣе широкаго круга отношеній; и всѣ мы знаемъ, что исключительно-себялюбивая точка зрѣнія не заѣдаетъ, какъ у типическихъ азіатцевъ, нашу жизнь, а это и даетъ намъ міровое значеніе нынѣ, когда міровые интересы выступаютъ всюду, даже въ сельскохозяйственной промышленности, на первый планъ. Затѣмъ, подъ вышеуказаннымъ угломъ зрѣнія, мнѣ желательно показать, насколько съумѣю, роль такой древнѣйшей промышленности, какъ сельскохозяйственная, среди другихъ ея видовъ, откуда вытекаетъ необходимость въ будущемъ постепенно, но существенно перемѣнить направленіе нашихъ сельскохозяйственныхъ вкусовъ, упованій и пріемовъ, такъ какъ я знаю изъ примѣра Англіи, что сила и могущество, міровое значеніе и сумма благъ, народамъ доступныхъ, достигаются не отъ процвѣтанія и развитія исключительно земледѣлія, а отъ возрастанія всего народнаго трудолюбія на всякихъ видахъ промышленности, свойственныхъ природѣ страны.

Такая программа моихъ немногихъ чтеній обязываетъ меня, чтобы не впасть въ излишнее многословіе,

высказать сперва, какъ бы отрывочно, нѣсколько мыслей, давно меня проникающихъ, и необходимыхъ для уразумѣнія того, что мнѣ желательно сказать. Мнѣ нѣтъ ни возможности, ни даже надобности развивать и доказывать эти вводныя положенія, такъ какъ часть ихъ витаетъ въ воздухѣ времени, а часть состоитъ изъ выводовъ, достигнутыхъ размышленіями надъ отраслями знаній, болѣе или менѣе очерченными другими моими собратами по чтеніямъ, назначеннымъ для оживленія немного упавшаго самочувствія нашихъ сельскихъ хозяйевъ. Остановлюсь на мысляхъ свойства экономическаго, такъ какъ въ нихъ наиболѣе важно достичь соглашенія, и оно возможно, когда зараза скептицизма еще не проникла въ плоть и кровь, какъ это, думается мнѣ, существуетъ и у васъ, если вы собрались слушать чтенія по общимъ отраслямъ наукъ, касающихся сельского хозяйства, такъ какъ скептицизмъ и критика—еще не наука, только малая ея часть.

Оставимъ присяжнымъ экономистамъ диспуты о природѣ богатства и капиталовъ, тѣмъ болѣе, что можно придти въ отчаяніе, видя ихъ взаимныя коренныя разнорѣчія. Какъ бы мы ихъ ни понимали, все же очевидно, что можетъ быть рѣчь о богатствахъ и капиталахъ общихъ или личныхъ. Вторые, т. е., богатства и капиталы личные, такъ входятъ въ общіе, что не можетъ быть личнаго, если нѣтъ общаго, и наоборотъ. А какъ общее *распредѣляется*, — вопросъ совершенно иной, важный, но скорѣе этической или юридической, чѣмъ экономической. Адамъ Смитъ свое сочиненіе, составляющее несомнѣнную основу всей Политической Экономіи, озаглавилъ такъ: „Исслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ“, потому что ясно сознавалъ ничтожность значенія богатства отдѣльныхъ лицъ, если нѣтъ общаго народнаго. Нѣмцы, по-смысленѣй, стали звать и всю ту науку „Народнымъ хозяйствомъ“. Экономисты же, въ родѣ тѣхъ, которые относятся ко времени великой революціи или изъ современныхъ намъ, напримѣръ, послѣдователи Маркса, налегающіе исключительно на *распредѣленіе* общаго богатства между отдѣльными лицами, перескакиваютъ

вопросъ о „народномъ“ богатствѣ, безъ котораго никакіе методы распредѣленія — ничего не достигнуть, такъ какъ распредѣлять-то будетъ нечего. Даже додумались иные, изъ самыхъ недалекихъ, до желанія уничтожить и самое понятіе о чемъ либо народномъ и государственномъ. Тогда лопари или природные ново-гвинейцы, описанные Миклухой-Маклаемъ, окажутся ближе къ поставленному идеалу, чѣмъ какой-либо другой народъ, далеко ушедшій въ достиженіи возможныхъ на землѣ общихъ благъ жизни, опредѣляемыхъ понятіемъ „народнаго“ богатства или такого же капитала. По указаннымъ причинамъ, оставаясь на чисто экономическомъ полѣ, лучше обойти стороной тонкости распредѣленія. Вопросы распредѣленія общаго народнаго богатства надо оставить въ сторонѣ еще и потому, что они, судя по опыту, — со временъ Платоновскихъ — невольно приводятъ или къ утопіямъ, въ родѣ коммунистическихъ, или къ насиліямъ, въ родѣ революціонныхъ или анархическихъ, а тамъ и тутъ не умъ или мысли господствуютъ, а страсти и желанія, управлять которыми надо ужъ не лекціями, а проповѣдями; а ихъ, по общественной организаціи, постепенно выработавшейся въ жизни, надо предоставить и другимъ лицамъ (не профессорамъ наукъ), и другой обстановкѣ, по мѣсту и времени. Коснувшись истинной науки, люди смотрятъ на утопіи, какъ на сказки, стараясь сохранить простой „здравый“ смыслъ даже въ своихъ идеалахъ и цѣляхъ. Притомъ, взявъ дѣло въ его естественной или логической простотѣ, легко видѣть, въ противность Марксу, что *накопленіе* общаго богатства, даже при самомъ уродливомъ и нежелательнѣйшемъ *распредѣленіи*, все-же должно отражаться повышеніемъ достатка и благъ большихъ массъ, потому что богачи, во-первыхъ, неизбѣжно тратятъ и траты достаются многимъ, а во вторыхъ, эти богачи на чемъ-нибудь, не иначе какъ надобномъ многимъ и производимомъ многими, наживаютъ свое богатство, слѣдовательно, должны однихъ склонять особыми выгодами къ своей работѣ, а другимъ доставлять какія-то новыя условія развитія жизни. Иначе сказать: даже уродства въ распредѣленіи, если общее богатство возвышается,

неизбѣжно влекутъ за собою возвышеніе благосостоянія массъ. Примѣры на лицо въ богатствахъ Англіи и С. Штатовъ. Скажемъ еще проще и прямѣе: въ Россіи распредѣленіе, начиная съ земельного, идеально-справедливѣе, чѣмъ, на примѣръ, въ Англіи, но общее богатство (и его корни—изобрѣтательность и трудолюбіе) меньше, а потому и достатки слабѣе, голодовки возможныѣе, бѣдность виднѣе во всемъ. Поэтому забота о массахъ первѣе всего должна имѣть въ виду общую сумму народнаго богатства, и только потомъ и попутно—справедливость распредѣленія, а не наоборотъ. Сама жизнь на глазахъ нашихъ указываетъ на то, что справедливость распредѣленія постепенно возрастаетъ, если, при умноженіи общаго богатства, нынѣ у насъ несомнѣнномъ, вездѣ и всегда заработная плата возрастаетъ, а процентъ съ капиталовъ падаетъ, какъ знаетъ всякій изъ насъ, прожившій сознательно десятки лѣтъ. Такимъ образомъ, не впадая въ утопію, желать *богатства и капитала*, то есть, *запасовъ, накопленныхъ трудомъ*, прежде всего и должно и неизбѣжно—всему народу, оставляя заботу о правильномъ *распредѣленіи* (если оно возможно) иной совокупности волей и желаній. Вотъ для приумноженія этого-то „народнаго“ богатства всего важнѣе три условія: природа страны, трудолюбіе и знаніе.

Природу страны, отведенной народу, строить Богъ, но ее можно измѣнять во многомъ; было когда-то, --- при переселеніяхъ народовъ, возможно и совершенно смѣнять, но по ограниченности земного шара и при господствѣ христіанскихъ началъ мирнаго братолюбія, свою землю надо принимать въ цѣломъ такую, какова она есть, приспособляя ее трудомъ и знаніемъ къ цѣлямъ, какъ личнымъ народнымъ, такъ и общечеловѣческимъ. Земля есть данное, — величина, долженствующая быть *извѣстною*, съ элементами матеріи и энергіи, на ней проявляющимися. Ее надо *изучать на всѣ лады*, *еще изучать* и затѣмъ *только улучшать*.

Въ *трудѣ* уже есть всѣ элементы свободной воли и отъ его качества и количества, первѣе всего, зависитъ богатство народовъ; ему болѣе всего надо учить, и когда онъ настойчивъ у большой массы жителей и со-

единенъ съ сознаниемъ и знаниемъ, то есть примѣненъ къ природѣ страны и—силъ, въ ней дѣйствующихъ, тогда богатство народа обеспечено. Только здѣсь необходимы двѣ оговорки, безъ которыхъ можно многое истолковать невѣрно и которыя, однако, мнѣ можно сдѣлать лишь сжато. Оговорить необходимо, во-первыхъ, самое понятие о трудѣ, въ томъ смыслѣ, который молча признается всѣми, говорящими со временъ Адама Смита о трудѣ, какъ первоисточникѣ богатства, такъ какъ, въ общепотребительномъ смыслѣ, цѣли у труда не предполагается и трудомъ одинаково называется какъ „трудное“ восхождение на крутую гору для того, чтобы полюбоваться съ нея видомъ, и „трудъ“ ученія или чтенія, такъ и трудъ на фабрикѣ или на пашнѣ, и трудъ учителя, изобрѣтателя или медика. Въ томъ же смыслѣ, какой подразумевается подъ словомъ „трудъ“, какъ *производитель* народнаго богатства, необходимо разумѣть только *трудъ для другихъ*, т. е. непременно альтруистическій, для общихъ цѣлей, а не однѣхъ единоличныхъ. *Накопленіе* такого труда, хотя бы и самаго ничтожнаго по числу затраченныхъ килограмметровъ, хотя бы состоящаго только въ одномъ *словѣ* или *жестѣ*, какъ у Багратіона подъ Шенграбенемъ („Война и миръ“ гр. Толстого), если этотъ трудъ сдѣланъ для потребностей не только своихъ, но и другихъ, а тѣмъ паче—*многихъ*, *копитъ* силу народную, составляетъ *истинное благо*, родитъ „добро“ въ томъ широкомъ смыслѣ этого слова, въ какомъ нашъ народъ его примѣняетъ, называя нажитымъ „добромъ“ и свою семью, и весь свой достатокъ.

Другую оговорку по отношенію къ *туду*, какъ *производителю* богатства народнаго, надо сдѣлать еще настоятельнѣе. Часто, особенно за послѣднее время, и особенно въ тѣхъ лагеряхъ мысли, которые благодушно увлеклись социализмомъ и ставятъ Маркса на пьедесталь, часто подъ *трудомъ* подразумеваютъ только *сумму*, по времени и количеству физическаго труда или затраченной людьми работы (въ болѣе точномъ — механическомъ смыслѣ), считаютъ *трудою* дѣятельностію только *внѣшнюю* работу, говорятъ только о

трудъ „рабочихъ“ классовъ и желаютъ, чтобы весь результатъ производства принадлежалъ тѣмъ, *кто работаетъ физически и сейчасъ*. Науки, искусства, торговля, промышленность, весь трудъ общественной организаціи и особенно трудъ *направленія воли въ пользу другихъ* тогда не признаются неизбѣжно необходимыми для блага общаго и имѣющими огромный вѣсъ въ направленіи дѣлъ на удовлетвореніе *общихъ* потребностей. Подъ *трудомъ* же, какъ *производителемъ* богатства *на*роднаго, въ томъ смыслѣ, какъ понимать его *должно*, необходимо, болѣе и первѣе всего, понимать именно такое направленіе воли, то есть работу, чисто внутреннюю, и — такое направленіе дѣйствій, которыя ведутъ къ производству полезнаго, то есть, надобнаго и желаемаго *другимъ*. Отнюдь не *количествомъ* затраченныхъ людьми въ данное время килограмметровъ опредѣляется количество *такого* труда, хотя нѣкоторое количество подобной затраты при трудѣ, какъ производителѣ богатства, всегда неизбѣжно расходуется. Человѣчество, въ современную эпоху промышленнаго своего развитія, стремится сознательно именно къ тому, чтобы, по возможности, освободить людей отъ *физической работы*, заставить все необходимое дѣлать силами природы и ея энергіей, какъ вѣтеръ или потокъ, заставляя ихъ нести работу, и оставивъ людямъ массу особаго, иного труда, ничтожнаго въ физическомъ смыслѣ, въ родѣ движенія рукоятки или надавливанія кнопки. Говорю я такъ не только какъ наблюдатель или мыслитель, но прямо по опыту. Мнѣ часто и много приходится *писатьъ*, причемъ физической работы тратится, какъ извѣстно, очень мало; не знаю, сколько получается полезнаго труда, а усталости и утомленія много. Желая *отдохнуть*, я долженъ, судя по опыту, прибѣгнуть къ *труду*, сопряженному съ гораздо большею затратою физической работы: походить, кропать что-нибудь, перебирать книги и т. п. Расцѣнка труда *перваго* и *второго* рода, по взглядамъ истинныхъ марксистовъ, должна была бы вести къ большому *перевѣсу* моего *отдыха* надъ моей „работой“, а при современной, Марксомъ осуждаемой, организаціи, да и по моимъ личнымъ представленіямъ, — совершенно обратно.

Чтобы иллюстрировать вышеуказанное примѣрами, болѣе безличными, достаточно сравнить галеру древнихъ съ современнымъ пароходомъ, или трудъ вспахиванія поля китайскою мотыгою съ трудомъ пахаря, работающаго паровымъ плугомъ, даже просто жатву женщинъ съ работою современныхъ жатвенныхъ машинъ. Тутъ видны: и освобожденіе отъ физической работы, и неизбежность, сверхъ того, труда внимательнѣйшаго, и то участіе, которое во всемъ этомъ ежесекундно принимаютъ истинный и полезнѣйшій трудъ изобрѣтателей и предпринимателей, создавшихъ эти пароходы, паровые плуги или жатвенныя машины. Словомъ, трудъ, какъ творецъ богатства народнаго, не есть только физическая работа. При смѣшеніи этихъ понятій не понять ничего совершающагося и предстоящаго въ мірѣ, и нельзя разобрать, о какомъ трудѣ говорится, когда онъ ставится, со времени Адама Смита, во главу условій богатства народнаго. И очевидно, что современная намъ (но не классическая—съ рабами) общественная организація подходитъ къ тому, чтобы достичь истиннаго освобожденія людей отъ обязательной рабской работы и приучить къ производительному труду, если, при развитіи этого современнаго, а не предлагаемаго, еще Платонами восхваленнаго, строя достигается это освобожденіе, не въ мысляхъ только, а на дѣлѣ. Тутъ много точекъ соприкосновенія съ сельскохозяиственными началами, но я воздержусь отъ ихъ развитія, предполагая, что вы сами остальное дополните правильными посылками и заключеніями.

Не стану также останавливаться надъ понятіемъ о знаніяхъ и наукахъ, какъ условіи накопленія богатства народнаго, потому что, если вы собрались здѣсь, то уже тѣмъ самымъ показали, насколько вамъ тутъ многого само по себѣ очевидно, будучи, увы, темными еще для многихъ, особенно скрытыхъ марксистовъ, науки осуждающихъ и требующихъ отъ нихъ достоинствъ *откровения*, тогда какъ они не болѣе завѣта или хранилища людской, не божественной—мудрости, руководимой наблюденіемъ, опытомъ и мыслями.

Перейду теперь къ еще болѣе бѣглому ряду дру-

гихъ посылокъ, необходимыхъ для дальнѣйшаго изложенія, стараясь прямѣе сближать ихъ съ сельскохозяйственными задачами чтеній.

Вы знаете, что *высшую* цѣль истинной науки составляетъ не просто эрудиція, т. е. *описаніе* или *знаніе*, даже въ соединеніи съ искусствомъ или умѣньемъ, а постиженіе *неизмѣняющагося* — среди переменнаго и *вѣчнаго* — между временнымъ, соединенное съ *предсказаніемъ* долженствующаго быть, но еще вовсе неизвѣстнаго, и съ *обладаніемъ*, то есть, съ возможностью предлагать науку къ прямому пользованію для новыхъ побѣдъ надъ природою. Въ эволюціи наукъ или, попросту, въ ихъ постепенномъ ростѣ проходятся всѣ послѣдовательныя ступени съ различною степенью быстроты, смотря по множеству разныхъ обстоятельствъ и особенно смотря по задачамъ, выставляемымъ на очередь для изученія. Хорошо поставить вопросъ — значить уже на половину рѣшить его. Ставить сразу вопросы о „началѣ всѣхъ началъ“ оказалось, при всемъ глубокомысліи, по опыту исторіи наукъ и по выводамъ Баккона, барона Веруламскаго, не только бесплоднымъ и ведущимъ науки къ дискредиту, но и прямо вреднымъ, то есть задерживающимъ, потому что, при всей простотѣ и природной разумности *истинныхъ основъ*, они такъ глубоко скрыты въ сложности явленій, что первый приступъ къ дѣлу чаще всего даетъ обликъ совершенно лживый. Припомните, что земля кажется базисомъ неподвижности, а солнце и все небо движущимися, что когда увидѣли воочию движеніе спутниковъ Юпитера и убѣдились всякими способами въ непрерывномъ движеніи Земной планеты, сочли звѣзды неподвижными, а онѣ всѣ оказались движущимися, что рѣзко видно надъ, такъ называемыми, двойными звѣздами. Такъ и во всѣхъ иныхъ наукахъ, что особенно ясно выступаетъ при изученіи невидимо малыхъ *отдѣльностей*, подобныхъ бактеріямъ, и незамѣтно мелкихъ *движеній*, передающихъ на землю энергію солнца и возбуждающихъ всю жизнь земной поверхности. Словомъ: глубокое различіе между „казаться“ и „быть“ лучше всего выступаетъ въ исторіи наукъ, достигшихъ въ своей эволюціи